

Знаменитых российских музыкантов легче встретить сейчас за границей, чем на Родине. Руководителя ансамбля «Виртуозы Москвы» Владимира СПИВАКОВА корреспондент «Известий» Юрий КОВАЛЕНКО увидел в эльзасском городке Кольмар, где только что завершился международный музыкальный фестиваль, Спиваковым порожденный. В этот раз фестиваль был посвящен испанскому виолончелисту, дирижеру и композитору Пабло Казальсу. Виртуозный получился диалог...

Не превратятся ли «Виртуозы Москвы» в «Виртуозов Кольмара»?

Известия. — 1997. — 25 июля. — с. 6.

В течение 12 дней сам Спиваков, его «Виртуозы Москвы» и приглашенные со всего мира музыканты давали по три концерта в день — в соборе Сен-Маттье, в здании бывшей таможни и, наконец, за чашкой чая в «русской чайной», которая расположилась в муниципальном театре.

Если в первые годы фестиваль имел, скорее, локальный резонанс, постепенно переросший в общенациональный, то теперь он приобрел и международное звучание. В очередной раз газета «Нью-Йорк таймс» отметила в статье «Наш выбор музыкальных событий в Европе» фестиваль Спивакова в числе самых значительных в мире.

— В чем же причина такого нарастающего успеха во Франции, где с наступлением летнего сезона едва ли не каждый населенный пункт устраивает свои фестивали?

— Самому мне трудно судить. Я просто честно отношусь к своему делу и как музыкант, и как его художественный директор. Мне кажется, что с фестивалем люди как-то сжились, сроднились. И несмотря на то, что по соседству с Кольмаром большой Страсбург, в котором тоже немало крупных культурных событий, наш фестиваль звучит. Эльзасские города довольно ревниво относятся друг к другу. Вначале мне говорили: «Вы убили фестиваль в Страсбурге!», но в этом году к нам приехал директор Страсбургского фестиваля. Мы с ним выпили по бокалу шампанского, и впервые от него прозвучало предложение: «Давайте, маэстро, что-то вместе сделаем!».

— Словом, в Эльзасе воцарился мир...

— Надеюсь, что фестиваль этому способствует, ибо ревность — такая штука, которая отравляет человеку жизнь.

— Теперь уже местные власти настойчиво предлагают переименовать ваш ансамбль в «Виртуозов Кольмара»...

— Такие предложения неоднократно бывали и в прошлом. Но мой оркестр работает под именем «Виртуозы Москвы» уже почти 20 лет, и менять название мы не будем.

— Со стороны жизнь ваша кажется сплошным фестивалем, вечным праздником с бессмертной музыкой, прекрасными женщинами, цветами, всеобщим восхищением...

— Жизнь музыкантов — это ежедневный каторжный труд, который начинается с 10 часов утра и заканчивается не раньше полуночи. Но благодаря этому труду мы создаем праздник для людей и, отраженным светом, для самих себя.

— Не несете ли вы слишком тяжелую ношу — скрипача, дирижера, руководителя «Виртуозов» и одновременно организатора фестиваля? Не жертвовали ли вы немножко своим главным делом?

— Не жертвовал. Я много играю и на пенсию пока не собираюсь. Конечно, мне трудно, но я считаю, что человек должен все время преодолевать препятствия и сложности. Тогда он в форме.

— А у вас как у скрипача есть еще невзятые высоты?

— Знаете, когда сталкиваешься с такими безмерными величинами, как Бах, Бетховен или Шостакович, то поневоле чувствуешь себя скромным человеком.

— На днях в Кольмаре вы рассказали о солдатах-афганцах, которые после вашего концерта сказали, что, послушав такую музыку, они убивать больше не смогут. Но музыку, как известно, любили и самые кровавые тираны...

— К сожалению. И они ходили в церковь, и они крестились. Но Александр Мень, которого я очень люблю, сказал: «Креститься — еще не значит верить».

— Вы как-то назвали музыку и религию двумя составными единого целого. В религии верующие, видимо, могут найти ответы на все вопросы бытия. А в музыке?

— Я их нахожу в музыке — нахожу в ней и успокоение, и утешение.

— Люди часто обращаются к Богу или к религии, когда им становится плохо. Когда вы обращаетесь к музыке?

— Не только когда плохо, но и когда хорошо.

— Когда очень плохо, что, с вашей точки зрения, надо послушать?

— Если человеку плохо, надо, пожалуй, слушать Моцарта. Потому что грусть у него очень специфическая. Она всегда с отблеском надежды, а человек не должен ее терять, пока жив.

— Ну а в моменты великого счастья, успеха, вдохновения, радости?

— Я бы посоветовал послушать арию Петра из страстей по Матфею. Потому что человек должен знать, что моменты счастья очень кратковременны, и нужно уметь уловить это счастье, услышать его не по удаляющимся шагам, когда оно от нас уходит, а в тот момент, когда оно с нами.

— Может ли народ, на который обрушилось столько несчастий, музыка врачевать раны душевные?

— Совсем недавно я проехал по городам Сибири, Урала, Центра России. Побывал в Новосибирске, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Тольятти, Самаре, Перми, а также в Ереване и Тбилиси... Встречаясь с простыми людьми, чувствуешь, что в народе не убита высочайшая духовность. Несмотря на все невероятные трудности, связанные с распадом Союза и с так называемой рыночной экономикой, которая пока не функционирует. Потреб-

ность же в классической музыке, в красоте, может быть, еще более возросла.

— Есть художники и музыканты, которые занимают ангажированную позицию. Классический пример — Ростропович, который прилетел в Москву в дни путча. На баррикадах смычок оказался приравненным к штыку...

— Я предпочитаю, чтобы смычок был не штыком, а протянутой рукой. Когда у человека нечего дать другому человеку, он протягивает ему руку — в знак сочувствия, понимания. Прилет же Ростроповича — не воинствующий, а очень человеческий поступок. Очень важно, чтобы художник умел сопереживать, разделить событие.

— У вас со всеми прекрасные отношения, в том числе с известными музыкантами, которые порой друг друга ненавидят. Как вам удается объединять несовместимых, антагонистически настроенных людей? Кажется, у вас нет врагов?

— Это не совсем так. Я не считаю, что у меня есть враги, но думаю, что сальеризм продолжает существовать как явление социальное. Правда, я, по-моему, лишен этого качества.

— Кто-то сказал, что все мы немножко Сальери по отношению к более талантливым...

— Всегда есть человек, который лучше вас что-то делает, и к этому надо относиться спокойно. В этом отношении я люблю сельских священников, которые просто служат. У меня был друг в Саратове, который умер, — священник Пимен Саратовский и Волгоградский, Дмитрий Евгеньевич в миру. Я видел, как он живет, служит Богу, людям. И люди искусства так же должны относиться к своему труду и к своей роли в жизни.

— Говорят, что талант всегда от Бога. Значит ли это, что наделенный талантом человек ближе к Богу, чем простые смертные?

— Это значит, что он в каком-то

смысле должен быть провозвестником и что на нем больше ответственности, чем на остальных.

— И с него Бог спросит больше?

— Он должен освещать путь. Иисус сказал: «Идите, пока есть свет». И Он давал его, и люди талантливые, как бы «освещенные», тоже должны давать свет другим.

— Мандельштам говорил, что «власть отвратительна, как руки брадобрея». Тем не менее художнику время от времени приходится идти на компромисс с властью. А некоторые это делают с преогромным удовольствием.

— К сожалению, приходится. Я думаю, что когда люди власти видят перед собой совестливого честного труженика, то у них все-таки там, под броней, что-то шевелится.

— Не кажется ли вам, что у нас в России происходит смыкание не только мафиозно-государственных структур, но и части нашей творческой интеллигенции с финансовой олигархией, которые сливаются в общей тусовке?

— Я сомневаюсь, что у Рихтера такое слияние происходит...

— У Рихтера, конечно, нет. А у других?

— Думаю, что оно происходит не у всех. Я таких тусовок не люблю.

— Что нового в деятельности Международного фонда Владимира Спивакова?

— Каждый год на Кольмарский фестиваль приезжают дети, которым помогает мой фонд — и материально, и творчески. Две девочки сейчас поехали в Лондон учиться. Несколько ребят из России и из Белоруссии получили возможность заниматься в мастер-классе в Цюрихе с замечательными педагогами. В Кольмар приезжали играть с «Виртуозами Москвы» украинские и русские дети. Поскольку нынешний фестиваль посвящен Казальсу, я могу напомнить его слова: «Чему мы учим своих детей? Тому, что два-

Владимир Спиваков — усталый, но счастливый.
Фото Виктора АХЛОМОВА.

два четыре и что Париж — столица Франции? Нет, детей нужно любить, нужно понимать, и нужно детям дать возможность почувствовать, что они чудо. И почему одно чудо должно быть настроено против другого? Мы все на земле, как листья на одном дереве...».

— Вы следуйте этому принципу, воспитывая ваших трех дочерей?

— Они сердечные, добрые дети, и я этим очень доволен.

— У них есть задатки стать хорошими музыкантами?

— Я не хочу, чтобы они стали профессиональными музыкантами, потому что для этого надо иметь действительно очень большой талант от Бога, который будет их вырывать из жизни, из времени. Самое же главное, чтобы они были хорошими людьми. И то, как они развиваются, меня очень устраивает... Екатерине 12 лет, Татьяне 9 и Анне 2 с половиной года. Я окружен женщинами и чувствую себя чудесно.

— Но в вашем оркестре всего две женщины-флейтистки, и те приглашены временно из Страсбурга. Как так случилось, что среди виртуозов нет ни одной «виртуозки»?

— У нас очень тяжелая жизнь, а первое предназначение женщины —

продолжать род человеческий. Поэтому мы их оберегаем. Но сюда, в Кольмар, почти все мои музыканты приехали с семьями... Честно говоря, я не возражал бы, чтобы женщины работали в оркестре, но оркестр этого почему-то не хочет. Ну раз не хочет, так не хочет.

— Разве не за вами последнее слово? Вы, как мне кажется, жесткий руководитель?

— Требовательный, но, пожалуй, не очень жесткий.

— У вас большая текучесть кадров? Не особенно. Но я отпускаю людей, если они хотят уйти.

— Вы известный коллекционер. Что нового появилось в вашем собрании в последнее время?

— Я очень давно ничего не покупал — цены стали непомерными. И сейчас в основном пополняю коллекцию за счет подарков. Вот, например, здесь, в Кольмаре, выставка великолепного испанского скульптора Антонио Морано, подарившего мне свою работу.

— Кому вы посвятите фестиваль-98?

— Федору Шалапину.

КОЛЬМАР—ПАРИЖ.